

Когда до Хан Сиэня дошли эти вести, Цзи Ло и Цзи Жун уже находились во дворце, ведя негласную войну с глазу на глаз. Дело, впрочем, касалось государственной тайны, так что до простых людей слухи не дошли.

О происходящем Сиэнь узнал, прочитав мысли вернувшегося из дворца Хань Чжо. Герцог, охваченный крайним смятением, едва переступил порог усадьбы, как тут же поспешил в покои старой госпожи. Из-за бушевавшего в душе урагана он даже не заметил стоявших у беседки возле декоративной горки Хан Сиэня и Хан Минчжу.

А те как раз вели неторопливую беседу.

— Недавно ко мне заходил Цзи Ло, — напрямую, без обиняков заговорил Сиэнь. — Речь зашла о Цзи Юэ, наследнике уездного князя Юна. Что ты о нём думаешь?

От такой прямоты Минчжу растерялась и не сразу нашла что ответить. В мгновение ока её щёки залил нежный румянец, а взгляд блеснул смущённым, но живым интересом. Пальцы взволнованно затеребили шёлковый платок.

Спустя долгую паузу она едва слышно вымолвила:

— Я... даже не знаю.

Об отношении к себе Третьего принца она уже знала со слов старой госпожи Ван. Разумеется, лёгкое разочарование присутствовало, но сильного горя барышня не испытывала. И теперь, стоило брату упомянуть Цзи Юэ, она сразу поняла, к чему он клонит.

Приличия не позволяли незамужней девице обсуждать подобные материи с мужчиной, пусть даже с родным братом. Однако вокруг не было ни единой живой души, и Минчжу позволила себе отступить от строгого этикета.

Сиэнь и не ждал от неё мгновенной готовности.

— Расспроси старших или попытайся присмотреться к нему издалека, — ровным тоном посоветовал он.

Под «старшими» он подразумевал вовсе не родню из герцогского дома, а исключительно старую госпожу Ван. А уж тайком взглянуть на потенциального жениха, чтобы оценить его нрав и повадки, Сиэнь считал делом разумным и вполне естественным. Если всё устроить с умом, никакие слухи не поползут.

Минчжу прекрасно его поняла. Помолчав в нерешительности, она опустила ресницы и тихо спросила:

— А сам ты что о нём думаешь, брат?

Сиэнь поднялся со скамьи и безучастно ответил:

— Твоя жизнь — тебе и решать. Окажись у тебя шанс выбраться из этой выгребной ямы, глупо им не воспользоваться. Твоё счастье зависит лишь от того, как ты сама себя поставишь. Чужая воля может направлять тебя какое-то время, но никто не проживёт за тебя всю жизнь.

Минчжу растерянно смотрела на его бесстрастное лицо, чувствуя, как к горлу подступает горькая обида пополам с грустью.

На её памяти брат ни разу не высказывался о родном доме, а теперь прямо нарёк его грязной трясиной. Вспомнив о себе и обо всех прочих, кто увяз в этом болоте, Минчжу вдруг подумала: пусть на людях Хан Сиэнь и прослыл человеком жестоким, высокомерным и не знающим пощады, здесь, в поместье, где ему то и дело строили козни, он проявлял удивительное терпение. И делал он это, скорее всего, ради неё — чтобы не портить сестре жизнь перед замужеством.

Мир устроен так, что к женщинам он всегда беспощаден. Мужчине, тем более наследнику герцогского титула, простят любую дурную славу. Пусть Сиэня боятся и ненавидят, но пока ему благоволит сам государь, его положение незыблемо. Ей же, как девице на выданье, приходилось дорожить каждым слухом о своей скромности.

Оказывается, угрюмый и нелюдимый брат помнил об этом и безмолвно оберегал её.

Сиэнь, не склонный разделять девичью сентиментальность, закончил разговор и неспешным шагом удалился. Если Минчжу действительно решится на этот брак, никто в Поместье герцога Хань не посмеет встать у неё на пути.

Едва скрывшись из виду, он мгновенно выкинул эти заботы из головы. Все его мысли теперь занимал Цзи Ло. Сиэнь никак не ожидал, что Третий принц так глупо подставится и позволит схватить себя за руку.

Слежка за братом-принцем, особенно за таким немощным калекой, как Цзи Жун, в глазах императора выглядела как тягчайшее преступление, попахивающее смутой.

Или же Цзи Ло сделал это умышленно? Поняв, что расследование зашло в тупик, он решил пойти ва-банк и спровоцировать взрыв?

Эта догадка пробудила в Сиэне неподдельный интерес. Он решил лично отправиться во дворец и посмотреть, чем закончится это представление. Когда у молодого человека разгоралось любопытство, действовал он без промедления. Накинув плащ, он сразу же направился к императорским покоям.

Императорский дворец

В главном кабинете на драконьем троне восседал государь, ледяным взором буравя двоих сыновей, застывших перед ним на коленях.

Цзи Жун казался мертвенно-бледным, и лишь на впалых щеках лихорадочно горел болезненный румянец. Нахмутив брови, он глядел на отца со смесью кроткого недоумения и затаённой обиды, отчего его хрупкий облик казался совсем надломленным.

Цзи Ло, напротив, держался прямо. В его ясном, твёрдом взгляде читалось упрямство, столь свойственное его годам.

Именно в этот напряжённый момент в дверях кабинета показался Хан Сиэнь.

Едва завидя вошедшего, император недовольно поморщился:

— А ты зачем пожаловал? Неужто дело об уличных убийцах наконец сдвинулось с мёртвой точки?

Сиэнь быстро оценил обстановку, скользнув взглядом по коленопреклонённым принцам, и с напускным смущением заговорил вкрадчивым голосом:

— Почтительнейше докладываю Вашему Величеству: в расследовании пока нет громких успехов. По правде говоря, у ничтожного слуги было к Вам личное дело, но сейчас я вижу, что оно вполне может подождать.

Император лишь досадливо отмахнулся, но выпроваживать любимчика не стал. Вновь обратив тяжёлый взор на сыновей, он процедил:

— Раз уж вы докатились до того, что устроили позорище перед моим лицом, соизвольте объясниться. Что здесь происходит?

Цзи Жун надсадно закашлялся, отчего краска на его лице стала ещё гуще. Переведя дыхание, он тихо, с почтением произнёс:

— Отец, уверяю вас, это не более чем досадное недоразумение...

— Никаких недоразумений, — бесстрастно оборвал брата Цзи Ло. — Люди у ворот усадьбы Второго брата действительно служат мне.

У Цзи Жуна внутри всё похолодело. Лазутчики, которых Третий принц выставил караулить его резиденцию, менялись трижды на дню, но от этого не переставали мозолить глаза.

Он ума не мог приложить, чем привлёк внимание Цзи Ло. Сколько бы ложных следов он ни оставлял, Третий принц шёл за ним как голодный пёс по кровавому следу. Поначалу это не доставляло особых хлопот, но Жун должен был тайно принимать некоторых чиновников, а в экстренных случаях — связываться с Вдовствующей императрицей. Под таким плотным надзором разоблачение оставалось лишь вопросом времени.

Поэтому, получив весточку от бабки, он решился на крайние меры — вскрыть нарыв перед отцом. На людях Второй принц оставался тишайшим калекой, бесконечно далёким от престолонаследия. Слежка за ним требовала веских оправданий, которых у Цзи Ло просто не могло быть.

Если дело выгорит, Цзи Ло, и без того обделённый отцовской лаской, окончательно лишится всякого доверия.

План казался безупречным, но стоило Второму принцу услышать это глухое, пугающе спокойное признание и увидеть лихорадочный блеск в глазах брата, готового пойти на любое безумство, как уверенность его пошатнулась.

Император от гнева даже усмехнулся:

— Вот как? И ты так просто в этом сознаёшься? Что же, поведай мне: с какой стати твои ищейки трутся у ворот твоего брата? Да ещё так бездарно, что их ловят за руку?

Цзи Ло поднял голову и упрямо посмотрел отцу прямо в глаза. В его лице сквозила горькая обида. От этого пристального взгляда государю сделалось не по себе; он уже открыл было рот, чтобы прикрикнуть на наглеца, как вдруг Третий принц зажмурился, словно прыгая в ледяную воду, и выпалил:

— У меня были причины для слежки. Я подозреваю... подозреваю, что Второй брат не является вашим родным сыном.

Эти слова прогремели в тишине кабинета подобно удару грома среди ясного неба. Цзи Жун застыл, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног. Глядя на брата обезумевшим взглядом, он прохрипел:

— Ты... что ты несёшь?!

Сам повелитель Поднебесной ошеломлённо замер на троне. Он беззвучно ловил ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова от столь неслыханной дерзости. Стоявший у стены евнух Юань Бао судорожно сглотнул, со страхом подумав, что после таких откровений ему вряд ли суждено

дожить до утра.

В этот момент государь краем глаза заметил Хан Сиэня, который с крайне неловким видом пытался слиться со стеной, всем своим существом выражая желание обратиться в пылинку и тихонько вылететь в щель под дверью. При виде любимчика гнев императора вспыхнул с новой силой.

«Докатился! Набрался у этого негодяя дурных манер!» — пронеслось в голове монарха.

Было совершенно очевидно, что Цзи Ло слишком близко сошёлся с Хан Сиэнем и подхватил его излюбленную привычку — швыряться чудовищными обвинениями, не заботясь о доказательствах.

Пока император силился переварить услышанное, Цзи Жун первым обрёл дар речи. Вскочив с колен, он ткнул дрожащим пальцем в сторону брата, его бледное лицо пошло багровыми пятнами:

— Ты... ты беззастенчиво лжёшь! Как ты смеешь!..

— Я затеял это лишь потому, что, кажется, наткнулся на вашего настоящего внебрачного сына, — торопливо, пользуясь замешательством отца, заговорил Цзи Ло, бесцеремонно оборвав брата. — А когда я поднял старые архивы, то понял, что даты его рождения и появления на свет Второго брата слишком подозрительно расходятся. Я уже собирался отозвать людей, как люди Цзи Жуна схватили моих слуг. У меня нет неопровержимых улик, но от своих поступков я не отказываюсь.

Слушая эту безумную скороговорку, Цзи Жун с ужасом осознал, что его банально разыграли как по нотам. Третий принц давно искал повод вывалить эту грязь перед государем, и сегодняшняя жалоба стала для него идеальным трамплином. Предчувствие скорой беды ледяной хваткой сжало сердце Жуна.

Император же почувствовал, как едва прояснившийся разум вновь затуманился. Он тупо переспросил:

— Мой... внебрачный сын?

— Именно так, — без тени сомнения подтвердил Цзи Ло, окончательно сдавая невинного юношу. — Это второй молодой господин из дома Бай, Бай Энь. Если присмотреться к его чертам, сходство с Вашим Величеством просто поразительное.

Хан Сиэнь рассудил, что его выход настал. Он вскинул голову и уставился на Цзи Ло с превосходно разыгранным изумлением. Третий принц, впрочем, даже не повернулся в его сторону, продолжая сверлить взглядом монарха.

Жест Сиэня получился слишком нарочитым, чтобы остаться незамеченным. Цзи Ло мысленно выругался:

«Какого чёрта этот сумасброд суётся? Я же нарочно уводил от него подозрения!»

Принц собирался продолжить свою речь, чтобы перетянуть внимание на себя, но разгневанный император уже повернулся к Сиэню. Сузив глаза, он ледяным тоном спросил:

— Хан Сиэнь! Судя по твоему лицу, ты тоже приложил к этому руку?

Сиэнь поспешно изобразил испуг и с самым невинным видом замахал руками:

— Помилуйте, Ваше Величество! О подозрениях Третьего принца мне ничего не известно. Просто... услышав его слова, я вспомнил, как дважды встречал молодого господина Бая. В первый раз я лишь подивился его благородной осанке, а во второй — мне показалось, что его профиль неувовимо напоминает кого-то очень знакомого. Тогда я обронил эту глупую мысль вслух, а принц как раз стоял рядом. Неужели Его Высочество принял мою пустую болтовню за чистую монету?

От этих объяснений император едва не задохнулся от ярости. Он смутно помнил, как выглядит этот несчастный Бай Энь, и уж точно не собирался признавать его своим отпрыском. Измышления Цзи Ло были чистейшей воды грязной клеветой, порочащей честь престола!

Цзи Жун к этому моменту окончательно взял себя в руки. Сверкнув глазами на Сиэня, он гневно воскликнул:

— Из-за пустых бредней и случайного сходства Третий брат и наследник Хань осмелились усомниться в моём происхождении?! Императорская кровь — не игрушка для ваших безумных догадок! Это неслыханное святотатство!

Жун искусно пытался выставить брата и Сиэня заговорщиками, задумавшими очернить его имя ради собственной выгоды.

Сиэнь нахмурился и приоткрыл рот, собираясь вставить слово, но Цзи Ло упрямо вскинул подбородок, прерывая его:

— Отец! Я сам заварил эту кашу, мне за неё и отвечать! Я наткнулся на эти нити, когда ворошил пепел былых времён. Хан Сиэнь здесь совершенно ни при чём!

— И что же это за «дела былых времён», заставившие тебя усомниться в законности моего рождения?! — не унимался Второй принц.

Сизнь сохранял на лице мрачное выражение, но в душе ликовал: искра упала на подготовленную почву, и пламя разгоралось в полную силу. Цзи Ло слишком долго ходил вокруг да около тайны прошлого, и теперь его наконец вынудили выложить карты на стол.

— Дело, которое я расследовал, касается гибели моего благородного отца! — с нескрываемой горечью отчеканил Цзи Ло.

Договорить ему не дали. С тихим свистом со стола императора сорвался тяжёлый нефритовый кубок и полетел прямо в принца. В наступившей мёртвой тишине Цзи Ло замер, обтекая чаем; прилипшие к его лбу и плечам чайные листья выглядели нелепо, но он даже не шелохнулся, по-прежнему держа спину прямо.

— Я лишь хочу знать правду, — глухо, но отчётливо произнёс он. — Как именно умер мой отец?

Вся эта нелепая история со слезжкой, фальшивым престолонаследником и тайным сыном государя была лишь ширмой. Цзи Ло шёл напролом ради одного-единственного ответа.

<http://bllate.org/book/20088/2002052>